

Глава 1. Палёное вино

Господа, палёный алкоголь — это зло... Примите этот совет как крик души.

Я лежал пластом, словно безжизненная вяленая вобла. В желудке плескалась кислая жижа, всё тело ломило от дикой боли, а если принюхать — от меня разило кислятиной, будто от забытого на солнце дешёвого «доширака». Над головой колыхался тяжёлый балдахин из фиолетового шёлка с едва заметным тиснёным узором. Выглядел он безумно дорого. Скользя взглядом по узорчатой золотой кайме, я скосил глаза на стоявшую посреди комнаты старинную бронзовую курительницу, а затем уставился на того, кто склонился надо мной.

Сквозь струящийся сизый дым проступили очертания незнакомца. Он осторожно приподнял моё веко тонкими, изящными пальцами, а затем выпрямился, почтительно сложил руки перед грудью и обратился к кому-то за своей спиной:

— Ваше Высочество, принц Ли пришёл в себя.

«Ну не бред ли? — подумал я. — Я тут уже пять минут глазами вращаю. Конечно, я очнулся! Или, по-твоему, я луначу с открытыми глазами?»

Не успело затихнуть эхо его слов, как к постели подлетел рослый мужчина. Он мёртвой хваткой вцепился в мои ладони, в его глазах блестели слёзы, а он жалобно шмыгал носом:

— Цзыцянь! Если ты... если ты умрёшь, я... я тоже не стану жить!

От таких откровений мне снова показалось, что я сплю. Причём это был какой-то запредельный, изощрённый бред. За все свои двадцать с лишним лет я ни разу не слышал признаний в любви, а тут, едва разомкнув веки, получаю клятву верности до гроба от здорового мужика. От одной мысли мороз шёл по коже. К тому же этот парень щеголял в несуразном жёлтом халате древнего покроя, расшитом драконами, а его длинные волосы были собраны в высокий узел под венцом из белого нефрита. Неужели палёный алкоголь так ударил по мозгам, что я ненароком забрёл на съёмочную площадку исторической драмы?

— Вы... кто? — выдавил я, борясь с накатившим головокружением.

Он застыл, недоумённо округлив глаза, и дрожащим голосом произнёс:

— Цзыцянь... Ты... Вглядишься же в меня!

Я послушно принялся изучать его взглядом — от самой макушки до шеи. Этот парень казался хрупким, почти болезненным, но при этом чертовски привлекательным: выразительные глаза, чётко очерченные брови, безупречно гладкое лицо без намёка на щетину — вылитый утончённый юноша с древней картины. Лицо его казалось смутно знакомым, но я никак не мог

вспомнить имя. Очередной смазливый актёр-новичок, не иначе.

Впрочем, рассудив здраво, я вспомнил, что сам — всего лишь безвестный сценарист самого низшего эшелона, перебивающийся случайными копеечными заказами, и настоящих знаменитостей отродясь не видел. Раз уж я умудрился сорвать людям дубль, стоило поскорее проявить вежливость и сгладить неловкость.

— Прошу прощения, моя оплошность... — быстро сориентировавшись, я изобразил ответное приветствие, вежливо сложив ладони перед собой, и выдавил из себя подобие дружелюбной улыбки. — К стыду своему, я немного отстал от жизни. Как я могу к вам обращаться?

Как говорится, на вежливую улыбку не отвечают ударом. Правда, радоваться было рано: моя улыбка всегда выглядела довольно уныло. Мне не повезло унаследовать от матушки опущенные уголки рта, из-за чего лицо вечно выражало скорбь всего мира. Вдобавок ко всему, природа наградила меня узкими глазами. Вежливые люди поэтично именовали их «миндалевидными», а шутники попросту обзывали щёлочками. Даже когда я бодрствовал, казалось, будто я мирно дремлю — эти «зеркала души» никогда не распахивались настежь. В итоге все вокруг считали меня неисправимым меланхоликом.

На самом же деле никакой меланхолией я не страдал. Будь я хоть каплю ранимым, то, сочиняя сценарии для отборнейшего телевизионного шлама, давно бы уже удавился на первой попавшейся ветке. Стал бы я иначе ради грошовой порции бесплатного обеда заискивающе улыбаться и гнуть спину перед режиссёрами, которые в лицо называли меня безнадёжной бездарностью?

Пока я предавался столь не вовремя нахлынувшим воспоминаниям, этот высокий красавец внезапно вцепился мне в плечи и отчаянно закричал:

— Цзыцянь! Это же я, Ли Цин!

Ли Цин? Какое знакомое имя. Я наморщил лоб, силясь вспомнить, где мог слышать этого почтенного мужа, как вдруг снаружи донёсся пронзительный, почти визгливый крик:

— Ваше Высочество! Ваш покорный слуга прибыл за вами! Ваше Высочество! Ой-ёй, да пропустите же меня!

Я опешил. Голос то растягивал слова на оперный манер, то срывался на надрывный сип, пока наконец его обладатель — некий неопознанный круглый объект — не вкатился в комнату, тяжело отдуваясь. В мои ладони мёртвой хваткой вцепились две пухлые, как свежее испечённые булочки, ручки. Колобок долго и шумно сопел, прежде чем наконец выдавить из себя членораздельную фразу:

— Ваше Высочество, вам хоть немного лучше?

«Какое ещё Высочество?!» — в панике подумал я и на автомате попытался сесть, упёршись руками в постель.

Однако лекарь, только что изучавший мои зрачки, перепугался и бережно, но настойчиво уложил меня обратно на подушки.

— Ваше Высочество принц Ли, умоляю, не вставайте! У вас же рана на животе!

Принц Ли... Цзыцянь... Ли Цин...

Я мысленно связал эти три имени воедино. Стоило прокрутить их в своей затуманенной голове, как по спине пробежал ледяной пот, а тело пробил озноб. С трудом сдерживая дрожь в губах, я уставился на стоявшего перед постелью толстяка:

— Только не говори мне... что ты Лу Цзюань?

— Ваше Высочество, неужели вы забыли своего верного слугу?! — Лу Цзюань в ужасе округлил глаза. Он спешно сорвал с головы шапку, судорожно пригладил волосы и выставил вперёд своё круглое лицо во всей красе. — Ваше Высочество! Я ведь служу вам верой и правдой целых десять лет! Мы же с вами выросли вместе! Пожалуйста, попытайтесь вспомнить!

Бабах! В моей голове словно разорвался грозовой разряд. Последние крохи здравого смысла закипели и окончательно испарились.

Дело в том, что совсем недавно я закончил очередной сценарий. Как всегда, это была дешёвая, заезженная до дыр трагедия, которая не принесла мне ни гроша, а именитые режиссёры гнали меня с ней взащей, точно назойливую муху. В центре сюжета стоял брошенный всеми принц-заложник, обделённый родительской любовью и решивший в финале жестоко отомстить всему миру. Имена Лу Цзюань, Ли Цин и титул принца Ли принадлежали героям моего же собственного опуса. А принц Ли по имени Цэнь Юэ, носивший второе имя Цзыцянь, являлся тем самым несчастным главным героем.

— Режиссёр Ху... всё-таки решил запустить съёмки? — пробормотал я.

Я задрожал всем телом: руки, губы и даже веки заходили ходуном от нервного тика. Этот черновик завернули сразу, после чего я лично отправил рукопись в мусорное ведро. С чего бы вдруг хоть один нормальный человек взялся за экранизацию этого бреда? Они что, рылись в моих помоях?!

Пока я терялся в догадках, пухлый Лу Цзюань стремительно бледнел. Наконец он резко повернулся к Ли Цину и в гневе запричитал:

— Ваше Высочество! Вы же клятвенно заверяли, что окружите нашего господина заботой!

Почему спустя всего пару лет он доведён до такого состояния?!

Ли Цин испуганно замахал руками:

— Возможно, принц Ли просто ещё не до конца пришёл в себя...

— Наша империя непременно потребует от вас подробных разъяснений по этому поводу, — раздался холодный голос.

Из-за спины Лу Цзюаня внезапно появился мужчина в строгом чёрном одеянии. На его поясе висел меч, а тяжёлые кожаные сапоги гулко стучали по полу. Бесцеремонно отодвинув толстяка в сторону, он нахмурился и вперил в меня пронзительный взгляд, в котором промелькнула сталь.

Под этим леденящим взглядом у меня едва душа не ушла в пятки. Я поспешно отполз к изголовью кровати и выдавил из себя вымученную улыбку:

— Ребята, вы вообще из какой кинокомпании? Это что, съёмки бэкстейджа? С каких пор я стал актёром? И... почему вы упорно называете меня принцем Ли?

— Ваше Высочество. Неужели вы не помните своего преданного слугу? — Мужчина приблизился и осторожно коснулся моего лба, убирая растрёпанную прядь за ухо. — Ваш покорный слуга, Сюй Чанчжи. Прежде я сопровождал вас в чтении, а ныне служу императорским телохранителем с правом ношения меча. Неужели эти имена ничего вам не говорят?

«Ну всё, приехали. Ещё один», — обречённо подумал я.

Я со страхом воззрился на Сюй Чанчжи. Это имя тоже принадлежало персонажу из моей писанины — преданному телохранителю главного героя. Актёра выбрали на славу: видный мужчина, куда более мужественный, чем этот изнеженный Ли Цин. Резкие, словно высеченные из камня черты лица, тяжёлый, пронзительный взгляд хищника... Глядя на него, я невольно сжимался, боясь, что в следующую секунду он выхватит клинок и попросту меня прирежет.

— Очень... очень приятно... — пролепетал я, вжимаясь в стену и судорожно высматривая в толпе операторов или хотя бы осветителей.

Тщетно. Убранство комнаты с пугающей точностью воспроизводило древнюю эпоху. Я обшарил взглядом каждый тёмный угол, но так и не обнаружил ни единого объектива или микрофона.

Заметив мой блуждающий взгляд, Сюй Чанчжи крепко взял меня за плечо. От неожиданности я испуганно вздрогнул и рефлекторно дрыгнул ногой, пребольно ударившись о тяжёлые ножны

на его поясе.

— Да хватит вам... Какой из меня актёр? С чего бы мне играть принца Ли? Это же главный герой... — бормотал я, пытаюсь сползти с постели.

Суровое лицо Сюй Чанчжи исказилось от гнева. Он резко развернулся к Ли Цину и ледяным тоном потребовал ответа:

— Ваше Высочество! В своих посланиях вы ни словом не обмолвились, что наш господин находится в столь плачевном состоянии!

Ли Цин на мгновение замялся, но тут же закинул руки за спину и надменно вскинул подбородок:

— Ты смеешь допрашивать меня? Я — наследный принц, и не какому-то жалкому стражнику читать мне нотации! К тому же я слышал, что ваш великий канцлер тоже прибыл. И почему он до сих пор не явился выразить мне своё почтение?

— Великий канцлер ожидает прямо за дверью. Неужели Ваше Высочество желает выказать ему пренебрежение? — Сюй Чанчжи парировал выпад с ледяным спокойствием, ни на йоту не уступив высокомерному принцу.

Пока эти двое обменивались любезностями, мне было совершенно не до их перепалки. Пользуясь моментом, я бочком протиснулся сквозь толпу суетящихся слуг. Но стоило моим ногам коснуться холодного пола, как низ живота пронзила острая, жгучая боль. Превозмогая головокружение, я рванул к выходу, но длинные, растрёпанные пряди закрыли мне весь обзор.

Кое-как откинув мешавшие волосы назад, я застыл: на пороге показался незнакомец в изящных сапогах лунно-белого цвета. Его силуэт тонул в ярких солнечных лучах. Он мягко протянул ко мне руку, но из-за пелены перед глазами его очертания двоились и расплывались.

— Ваш покорный слуга Чжун Бочэнь приветствует Ваше Высочество принца Ли... — прозвучал глубокий, бархатный голос.

Несмотря на столь почтительные слова, преклонять колени он и не думал. Мужчина уверенно перехватил меня под локоть, помогая устоять на ногах, и принялся бесцеремонно разглядывать. Я изо всех сил тряхнул тяжёлой головой. Зрение наконец прояснилось, и я смог разглядеть его лицо.

Увиденное заставило меня скорчить гримасу, которая едва ли походила на улыбку. Про себя я только и мог изумляться: «Ничего себе бюджет у этого фильма!» Стоявший передо мной мужчина казался сошедшим с небес небожителем — утончённый, неземной красоты. Чжун

Бочэнь в моей истории был персонажем второго плана. Но с такой величественной осанкой и благородным видом... неужели этот красавец не побрезговал сняться в моём убогом дешёвом сериале?

— Хвост... Хватит издеваться... Я с такого жуткого похмелья ничего не сыграю... — заплетающимся языком лепетал я, судорожно вырывая руку из его хватки.

В панике я вцепился в собственные волосы на макушке, надеясь стащить дурацкий парик. Однако кожа головы отозвалась острой болью, а шевелюра сидела как влитая. Я лихорадочно ощупал корни пальцами, но не обнаружил даже намёка на клей или сетку гримёра.

Чжун Бочэнь нахмурился. Не говоря ни слова, он сделал знак Сюй Чанчжи, и тот поспешно принёс длинный дорожный плащ, набросив его мне на плечи. Меня действительно бил сильный озноб. Дрожащими руками я влез в рукава, и тут мой взгляд упал на стоявшее на столике старинное бронзовое зеркало. Чжун Бочэнь как раз наклонился, чтобы завязать шнуры на поясе, но я бесцеремонно оттолкнул его руки и бросился к полированной поверхности.

Из тусклого желтоватого металла на меня смотрел бледный, измождённый юноша с ниспадающими до поясницы волосами. Черты его лица процентов на восемьдесят напоминали мои собственные, но...

— Какого чёрта?! Это не я! — в ужасе закричал я и резко вскинул зеркало над головой.

Присутствующие испуганно отпрянули. Пусть отражение и походило на меня, но я никогда в жизни не был настолько худым, не обладал столь фарфорово-бледной кожей, да и глаза у парня в зеркале были куда шире моих привычных «щёлочек»!

«Неужели гримёры сотворили чудо и так визуально расширили мне веки?» — закралось подозрение.

Я принялся неистово тереть щёки тыльной стороной ладони, пытаюсь снять слой тонального крема. Но кожа оставалась чистой — на руке не появилось ни следа косметики, да и грязи-то особо не убавилось. Тогда я со злостью потянул себя за веко, пытаюсь отыскать следы невидимого скотча или клея, но пальцы вернулись ни с чем.

Ничего. Ни подводки, ни теней, ни накладных ресниц, ни пресловутого скотча для век.

— Ваше Высочество... — испуганно прошептал Лу Цзюань.

Сердце бешено колотилось в груди, выбивая безумный ритм. Я лихорадочно пробежался ладонями по своему телу — от рёбер до бёдер.

Я действительно чертовски похудел. Никакой это не грим — под пальцами отчётливо прощупывались острые рёбра и выпирающие ключицы.

— Я... я правда принц Ли? — с надеждой спросил я, повернувшись к Лу Цзюаню.

Пухлый слуга тут же счастливо улыбнулся:

— Конечно, Ваше Высочество! Неужели вы наконец-то всё вспомнили?!

«Да какое там „вспомнил“! Дело дрянь!» — я похолодел от ужаса, обхватив руками свою невероятно тонкую талию.

Что вообще происходит?! Я всего лишь купил бутылку палёного алкоголя за пару юаней в круглосуточном ларьке у дома. Я прекрасно знал, что от суррогатного поила можно ослепнуть или умереть, но чтобы провалиться в собственный паршивый сценарий — о таком мировая наука ещё не слышала!

Стоило мне восстановить в памяти сюжет своей недописанной трагедии, как волосы на теле встали дыбом. В порыве творческого безумия я решил «превзойти самого себя» и сделал главного героя приверженцем мужской любви, надеясь зацепить женскую аудиторию этой пикантной деталью. Вот только история вышла ни разу не трогательной, а беспросветно мрачной и жестокой.

Принц Цэнь Юэ пять долгих лет томился заложником в соседней империи, где умудрился без памяти влюбиться в наследного принца Ли Цина. Ради него он согласился вернуться на родину в роли высококлассного шпиона, помог возлюбленному взойти на престол и без зазрения совести использовал собственную страну как пушечное мясо. И каков финал? Стоило этому подлецу Ли Цину примерить корону, как он первым же делом развязал войну против родины Цэнь Юэ. Несчастного шпиона схватил его собственный старший брат и... приговорил к четвертованию.

Холодный пот хлынул градом. Тело отказывалось повиноваться, словно руки, ноги и голова уже мысленно разлетались в разные стороны. Под ошеломлёнными взглядами присутствующих я издал истошный вопль: «Твою ж дивизию!», взлетел на лакированный стол и ласточкой выпрыгнул в распахнутое окно. Все эти кульбиты я проделал на одном дыхании — определённо, это был пик моей грации и ловкости за всю жизнь.

Приземлившись во дворе, я тут же уткнулся в частокол выставленных копий — стражники среагировали мгновенно. Однако стоило мне вскинуть голову, как они испуганно ахнули и поспешно опустили оружие. Я перемахнул через перила галереи, перелез декоративную ограду и во весь опор помчался к большому пруду в центре сада. Около воды стояли служанки, безмятежно кормившие декоративных карпов. Завидев меня, несущегося на них с дикими воплями, несчастные девушки с визгом бросились врассыпную, попутно щедро осыпав мою голову рыбьим кормом.

Прорвавшись сквозь облако кружащейся в воздухе сухой шелухи, я, точно самая жирная гранула этого корма, с разбегу нырнул в пруд.

Ледяная вода обожгла лицо, мгновенно вернув способность мыслить. В сознании причудливо переплелись две разные жизни, стирая грани между иллюзией и реальностью. В одной я был небритым сценаристом, строчащим унылое мыло под тусклым светом настольной лампы. В другой — несчастным юношей, безутешно рыдающим в карете, увозившей меня в далёкое Царство Ли. Моё сердце разрывалось от обиды и злости: почему из всех императорских сыновей именно меня принесли в жертву политическим играм? Дорога казалась бесконечной, а жестокая тряска окончательно расшатывала и без того истёрзанные нервы. Откинув край тяжёлого занавеса, я бездумно уставился на бегущую вдоль тракта реку, как вдруг снаружи просунулась рука и вложила в мои ладони круглую подвеску из белого нефрита. На её гладкой поверхности виднелась изящная гравировка: «Поэма разбитого сердца о делах минувших дней».

Я и сам не понимал, где здесь была прошлая жизнь, а где — нынешняя, но сердце действительно готово было разорваться от тоски. Кое-как нацепив нефритовый диск на шею, я цинично рассудил, что если придётся бежать, эту безделушку всегда можно будет заложить в ближайшем ломбарде, чтобы выручить немного дорожных денег.

Подвеска соскользнула с шеи и медленно заколыхалась в воде, испуская едва заметное, призрачное сияние. Задыхаясь, я крепко сжал её пальцами.

«А вещичка-то и впрямь хороша, — подумалось сквозь накачивающее удушье. — Чистейший нефрит без единого изъяна. Жаль будет продавать...»

Предаваясь этим нелепым мыслям, я окончательно пошёл ко дну. Перед тем как сознание угасло, я успел заметить скользнувший ко мне сквозь толщу воды силуэт.

Когда я снова открыл глаза, вокруг царила непроглядная тьма. Спросонья я не мог понять, где нахожусь, ощущая лишь мерное покачивание, будто лежал на жёсткой полке ночного поезда. Рядом кто-то был. В темноте тускло мерцали чужие глаза — точно холодная звезда, упавшая на дно глубокого ущелья. Незнакомец заботливо подоткнул под меня тёплое одеяло, убрал неудобный валик и бережно подложил под мою голову свою руку.

Устроившись на этом надёжном плече, я вновь погрузился в глубокий сон под глухой скрип деревянных колёс, катившихся по каменистому тракту, и тихое, сбивчивое дыхание спящего рядом человека...